

ИГОРЬ КОШКИН

Латвийский университет, Рига

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ВНУТРЕННИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК СЛЕНГИЗМОВ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

В латышском языке выделяется довольно большая группа русизмов, т.е. заимствований, источником которых является русский язык. Эти заимствования достаточно разнообразны, что позволяет предположить разные причины вхождения и распространения русизмов в латышском языке. Классификация «мотивов лексического заимствования» представлена Уриэлем Вайнрайхом (Uriel Weinreich) в его книге *Языковые контакты*¹. Русский язык развивался в условиях коллективного билингвизма, что предполагает наличие билингвальной языковой ситуации и как следствие наличие внутренних языковых контактов. Представляется интересным проследить, как в свете положений Вайнрайха выглядит специфика русско-латышских языковых контактов и можно ли выделить похожие мотивы заимствования лексических элементов из русского языка в латышский язык.

В заимствованной лексике латышского языка есть слой древнейших славянских заимствований, являющихся результатом контактов языка восточных славян и древнелатышских племенных языков, например: латыш. *baznīca* ‘церковь’ ← дрр. *божьнѣца*, диал. *бозьнѣца*; латыш. *grāmata* ‘книга’, до второй половины XIX в. также ‘письмо’ ← дрр. *grāмота*; латыш. *mēteliš* ‘пальто, плащ’ ← дрр. *мѣтель* < псл. **męтьль*; латыш. *tuīta* ‘таможня’ ← дрр. *мѣто* и др. Все эти заимствования, распространившиеся в языке много столетий назад и принадлежащие

¹ У. Вайнрайх, *Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования*, пер. Ю.А. Жлуктенко, Вища школа, Киев 1979, с. 95–101.

к стилистически нейтральной общеупотребительной лексике, являются результатом так называемых внешних языковых контактов, обусловленных социально-политическим и культурно-религиозным влиянием соседних древнерусских земель. Хотя речь в данной статье идет о другой группе заимствований из русского языка и соответственно о другом типе контактов, можно утверждать, что некоторые положения исследования Вайнрайха применимы к изучению и упомянутых выше языковых контактов. Во-первых, Вайнрайх анализирует не только результат индивидуального языкового контакта в виде интерференций и заимствований, но и сам механизм и условия контактирования языков, т.е. описывает языковой контакт как динамический процесс. По мнению ученого, данные о «культурных лексических заимствованиях» важны для реконструкции всего комплекса условий, при которых происходит лексическая интерференция и заимствование². Во-вторых, несмотря на то, что для внешних языковых контактов наличие коллективного двуязычия необязательно, трудно себе представить процесс заимствования слов, процесс «перенесения» лексических элементов без стадии индивидуального (или группового) билингвизма. В ситуации древнерусско-древнелатышских языковых контактов на территории древней Латвии должны были быть те, кто на языковом уровне выступал в качестве проводника чужих слов, обозначавших новые реалии. Следует отметить, что данная проблема практически не изучалась в работах о древних славянских заимствованиях в латышском языке. **Между тем реконструкция конкретных социокультурных условий древних языковых контактов внесла бы ясность в решение этой проблемы. В частности, довольно загадочным является история вхождения в латышский язык такого заимствования, как латыш. *tulks* ‘переводчик’ ← дпр. *тълкъ* ‘переводчик, толмач’. Согласно традиционной точке зрения и латышское слово, и не употребляющееся в современном литературном литовском языке литов. *tūlkas* ‘переводчик’³ были заимствованы из языка восточных славян⁴. Так как латыш. *tulks* входит в лексико-тематическую группу, ко-**

² Там же, с. 179.

³ *Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas.*, G. Naktienė (ред.), Lietuvių kalbos institutas, Vilnius 2005, <http://www.lkz.lt> (21.03.2018).

⁴ K. Mühlēnbach, J. Endzelin, *Lettisch-deutsches Wörterbuch*, 1–4 Bde, Izglītības ministrija, Rīga 1923–1932, т. 4, с. 259.

торая представлена большим количеством восточнославянских заимствований, связанных с административно-политическим влиянием восточных славян на территории Латвии в древний (доливонский) период, это слово могло быть наименованием человека, переводившего и разъяснявшего местному населению сказанное представителями князя во время «погоста», т.е. сбора подати, или во время какого-либо судебного разбирательства (ср. такие древнерусские заимствования, как латыш. *pagasts* ‘административно-территориальная единица в округе’, исторические значения — ‘погост, место сбора дани’, ‘собрание крестьян для сдачи податей во время барщины’; латыш. *sods* ‘наказание, штраф’, *sodīt* ‘судить, наказывать, штрафовать’, арх. *soġis* ‘судья, административно-должностное лицо’)⁵. Однако есть определенное противоречие между ранней хронологией заимствования *tulks*, согласно которой заимствование может быть отнесено к периоду контактов языка восточных славян и древнелатышских диалектов, и ономазиологической семантикой этого слова. С одной стороны, **ранняя хронология балтийских заимствований** устанавливается на основе характера фонетической субституции, которую обнаруживают латыш. *tulks*, литов. *tùlka*. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что употребление дрр. *тълкъ* (*толк*) в памятниках древнерусской письменности связано с русско-немецкими языковыми контактами, имевшими место на территории Латвии в более поздний, ливонский период (XIII–XVI вв.), при этом ономазиологически слово обозначало переводчика с немецкой стороны⁶.

Особенно активным влиянием русского языка на латышский язык в истории русско-латышских контактов ознаменован период XIX–XX вв. Это обусловлено целым рядом социокультурных факторов. Постоянно увеличивалась социальная база носителей русского языка как контактного языка на исторической территории Латвии⁷, русский язык выступал как официальный язык государства (за исключением периода первой Латвийской

⁵ И. Кошкин, *Семантическая типология и языковые контакты в истории социальной терминологической лексики* // И.П. Кюльмоя (ред.), *Acta Slavica Estonica VIII, Свое-чужое в языке и речи*, University of Tartu Press, Tartu 2016, с. 89–101.

⁶ Там же, с. 95, 98.

⁷ А.А. Заварина, *Русское население Латвии (К истории поселения)* // Б.Ф. Инфантьев (ред.), *Русские в Латвии*, выпуск 3, ВЕДИ, Рига 2003, с. 10–47.

Республики 20–30-х годов XX столетия). В XIX веке в сфере публицистики, культуры, науки русский язык был наряду с немецким языком источником новой лексики, главным образом для обозначения абстрактных понятий, явлений общественно-политической жизни и т.п. В латышском языке широкое употребление получили как прямые лексические заимствования, например, латыш. *сена* ‘цена’ ← русск. *ценá* (с переносом ударения на начальный слог, так как латышский язык характеризуется фиксированным ударением)⁸, так и заимствования-кальки, созданные по модели русских слов, например, латыш. *piemērs* ← русск. *примёр*⁹ (в основе кальки лежат префикс *pie-* ‘при-’ и корневая морфема слов *mērs, mērīt* ‘мера, мерить’); латыш. *tautība* ← русск. *наро́дность*¹⁰ (в основе кальки лежат корневая морфема слова *tauta* ‘народ’ и суффикс *-īb(a)* ‘-ость’) и т.п. Эти новые заимствования, являющиеся результатом переводческой и нормализаторской деятельности представителей латышской интеллигенции, знаменуют собой по преимуществу влияние на литературный язык.

Огромное количество русизмов вошло в результате устной коммуникации в разговорную речь латышского языка. Варваризмы и сленгизмы русского происхождения образуют слой сленга латышского языка наряду с германизмами (заимствованиями из немецкого языка), англицизмами и собственной лексикой, употребляющейся в переносном значении. Судя по данным специального словаря сленга латышского языка *Latviešu valodas slenga vārdnīca*¹¹, русизмы занимают значительное место среди заимствований-варваризмов, отмеченных в данном словаре¹². При этом выделяются такие сленгизмы русского происхождения, которые давно вошли в разговорную речь и которые поэтому принадлежат к старому слою варваризмов, например: латыш. *bunte* ‘мятеж, бунт’ ← русск. *бунт*¹³ (латыш. лит.

⁸ K. Karulis, *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*, 2 sējums, Avots, Rīga 1992, т. I, с. 165.

⁹ Там же, т. II, с. 43.

¹⁰ D. Zemzare, *Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam)*, Latvijas Zinātņu akadēmijas izdevniecība, Rīga 1961, с. 253.

¹¹ O. Bušs, V. Ernstsone, *Latviešu valodas slenga vārdnīca*, Zvaigzne ABC, Rīga 2009.

¹² В словаре представлены лексические единицы, зафиксированные в предшествующих словарях латышского жаргона, в записях устной речи, сделанных авторами словаря и другими исследователями, а также используемые в художественных и публицистических текстах. См. там же, с. 6–9.

¹³ Там же, с. 82. Здесь и далее перевод словарных значений с латышского языка на русский язык осуществлен автором статьи.

dumpis); латыш. *burlaks* ‘разбойник; драчун’ ← русск. *бурлак*¹⁴ (латыш. лит. *laupītājs* ‘разбойник’, *kauslis* ‘драчун’); латыш. *duraks* ‘дурак’ ← русск. *дурак*¹⁵ (латыш. лит. *muļķis*); латыш. *ķurtis* ‘тюрьма’ ← русск. *тюрьма*¹⁶ (латыш. лит. *cietums*); латыш. *mužiks* ‘грубый, невоспитанный человек’ ← русск. *мужик*¹⁷ (латыш. лит. *vīrietis* ‘мужчина’, *zemnieks* ‘крестьянин’); латыш. *razbainieks* ‘(арх.) разбойник; бандит’, ‘шалун, озорник’ ← русск. *разбойник*¹⁸ (латыш. лит. *laupītājs*). Приведенные слова находятся в списке славянских заимствований латышского языка, отмеченных еще известным языковедом Янисом Эндзелинсом (Jānis Endzelīns) в работе 1899 года¹⁹. Таким образом, возраст этой группы разговорно-просторечных слов превышает сто лет. Некоторые из них, встречающиеся в текстах художественной литературы и публицистики, отражены и в словаре современного латышского литературного языка, в котором они имеют соответствующие стилистические пометы, указывающие на принадлежность к просторечной или устаревшей лексике. Например, из перечисленных выше слов в словаре отмечены: *duraks* ‘дурак’; *burlaks* ‘грабитель, убийца; кровожадный человек, насильник’, историческое значение — ‘рабочий на стругах, тот, кто тащит баржи (в дореволюционной России)’, *razbainieks* ‘(арх.) разбойник; бандит’, ‘шалун, озорник’²⁰.

Экспрессивная функция употребления сленгизмов обуславливает то, что эта группа заимствованных слов является открытой и динамичной, при этом речь идет о контактах латышского языка с русской разговорной речью, носителем которой являлся и является довольно большой в количественном отношении этнический коллектив внутри латвийского общества (так называемые русскоязычные Латвии). Этим объясняется и то, что употребление подобных сленгизмов не носило территориально ограниченный характер, а характеризовало всю территорию

¹⁴ Там же, с. 83.

¹⁵ Там же, с. 130.

¹⁶ Там же, с. 265.

¹⁷ Там же, с. 308.

¹⁸ Там же, с. 398.

¹⁹ И. Эндзелин, *Латышские заимствования из славянских языков // Живая старина*, выпуск III, год девятый, Типография князя В.П. Мещерского, Санкт-Петербург 1899, с. 307–308.

²⁰ *Latviešu literārās valodas vārdnīca*, 1.–8. sējumi, Zinātne, Rīga 1972–1996, <http://www.korpuss.lv> (21.03.2018).

распространения латышского языка. Например, латыш. *burlaks* в указанном экспрессивном значении отмечено во всех диалектах латышского языка, включая говоры, территория которых не соприкасалась с территорией славянских языков.

Сленгизмы, связанные с актуальными процессами в речи, отражают прежде всего процессы лексической интерференции, которая, согласно теории Уриэля Вайнрайха²¹, является результатом языкового контакта в речи двуязычных индивидов. Очевидно, в условиях коллективного двуязычия лексические элементы, являющиеся результатом интерференции, получают более широкое употребление. Для носителей латышского языка, т.е. для коренного населения Латвии, было характерно исторически длительное коллективное латышско-русское двуязычие, следы которого в определенной степени сохраняются и в настоящее время²². Говоря об языковой ситуации в истории Латвии (до середины XX века), **речь, конечно, должна идти также и о латышско-немецком коллективном двуязычии, и о латышско-русско-немецком трехязычии, особенно в речи городского населения**²³. Социологизация результатов интерференции приводит к тому, что такие слова функционируют как заимствования, при этом степень их вхождения в лексику латышского языка является различной (см. ниже). Среди элементов разговорной лексики латышского языка отмечены многочисленные сленгизмы, появившиеся в результате коллективного

²¹ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 22.

²² Исторические реалии последних десятилетий и обусловленная ими языковая политика в Латвии (стабилизация и увеличение роли латышского языка, сужение социолингвистических функций русского языка) приводят к постепенному изменению социально-возрастных параметров коллективного двуязычия: с одной стороны, латышско-русское двуязычие в основном свойственно представителям старшего поколения латышей, с другой стороны, более широкое употребление получает латышский язык у носителей русского языка. При этом надо иметь в виду, что латышско-польское и русско-польское двуязычие частично свойственно представителям польской общины, проживающим на территории Латгале (Восточная Латвия) и употребляющим как исторический региональный вариант польского языка, так и польский литературный язык, см. K. Kuņicka, *Latgales poļu valoda kā poļu valodas periferiālais dialekts: paaudžu atšķirību aspekts*, Promocijas darbs, Daugavpils Univeristāte, Daugavpils 2016.

²³ И. Кошкин, *Языковые контакты и русский язык Риги второй половины XIX века* // И. Кошкин, Т. Стойкова (ред.), *Acta Universitatis Latviensis*, vol. 772, *Linguistics: Problems of Russian and Slavic Linguistics. Актуальные проблемы русского и славянского языкознания*, University of Latvia, Rīga 2012, с. 53–64.

латышско-русского двуязычия и относящиеся к относительно новому слою. Например: латыш. *stroika* ‘новостройка’ ← русск. *стрóйка*²⁴ (латыш. литер. *jaunbūve* ‘новостройка’); латыш. *dvornīks* ‘дворник’ ← русск. *двóрник*²⁵ (латыш. литер. *sētnieks* ‘то же самое’); латыш. *aržoga* ‘обжора’ ← русск. *обжóра*²⁶ (латыш. литер. *rīta* ‘то же самое’); латыш. *kriška* ‘плохое положение; безнадежное положение; конец’ ← русск. разг. *крѝшка* ‘то же самое (переносное значение)’²⁷ (латыш. литер. *vaks* ‘крышка’, *beigas* ‘конец’); латыш. *koroče, karočē* ‘короче говоря’ ← русск. *корóче*²⁸ (латыш. *isāk* ‘короче’); латыш. *prikols* ‘шутка’ ← русск. разг. *прикóл*²⁹ (латыш. *joks* ‘шутка’); латыш. *razborka* ‘сведение счетов; выяснение отношений’ ← русск. разг. *разбóрка*³⁰ (латыш. лит. *strīds* ‘ссора’, *kautiņš* ‘драка’, *izskaidrošanās* ‘выяснение отношений’). Лексикографическое описание этих лексических элементов в цитируемом словаре сленга свидетельствует об их частотном и самостоятельном употреблении в латышской разговорной речи. Следует отметить, что ни одно из приведенных слов этой группы не зафиксировано в словаре латышского литературного языка³¹.

Постоянное пополнение сленговой лексики латышского языка путем «перенесения» лексических элементов из русского языка, многие из которых приобретают статус заимствований, было обусловлено специфическими социально-историческими условиями, которые во многом отличаются от условий и путей вхождения в язык древних славянских заимствований, а также так называемых «культурных лексических заимствований» (см. выше). Как было отмечено, древние славизмы латышского языка являются, как правило, результатом внешних языковых контактов. Природа сленгизмов русского происхождения в латышском языке показывает, что эта группа заимствований прежде всего связана с характером языковой ситуации, предполагающей длительные внутренние языковые контакты

²⁴ O. Bušs, V. Ernstsone, *Latviešu valodas slenga vārdnīca...*, с. 451.

²⁵ Там же, с. 132.

²⁶ Там же, с. 34.

²⁷ Там же, с. 251.

²⁸ Там же, с. 222, 243.

²⁹ Там же, с. 385.

³⁰ Там же, с. 399.

³¹ *Latviešu literārās valodas vārdnīca*, 1.–8. sējumi, Zinātne, Rīga 1972–1996, <http://www.korpuss.lv> (21.03.2018).

на коллективном уровне. Чешский лингвист Богуслав Гавранек (Bohuslav Havránek), рассматривая различные типы коллективного двуязычия в славянском языковом ареале, например, разновидности чешско-немецкого двуязычия, исходит из того, что коллективное «двуязычие — это особый случай языкового контакта», т.е. лишь одна из форм проявления языкового контакта, при этом ученый подчеркивал особое значение именно коллективного двуязычия «в качестве существенного фактора языкового развития»³². Аналогичная языковая ситуация, которую латышский диалектолог Антонина Рекена (Antoniņa Reķēna) назвала «двуязычием», исторически была характерна для южно-восточного региона Латвии (Латгале): здесь многочисленные региональные варваризмы, затрагивающие целые лексико-тематические группы слов (ремесленная лексика, сельскохозяйственная лексика, названия еды), связаны с длительным влиянием как русского, так и белорусского и польского языков³³.

Если природа многочисленных варваризмов, сленгизмов русского происхождения в латышском языке связана в целом с типом внутренних языковых контактов, то выделение различных групп таких заимствований обусловлено общими мотивами лексического заимствования, о которых говорится в разделе книги Вайнрайха, посвященном лексической интерференции³⁴. Во-первых, Вайнрайх отмечает, что «перенесенные слова часто входят в стилистический слой фамильярной лексики или жаргона, приобретая при этом пейоративные коннотации, которых они не имели в прежнем языке»³⁵. Подобные примеры встречаются и среди сленгизмов латышского языка, например, этнонимическое значение с негативной окраской получило слово *duņa* ‘русская’ ← русск. *Ду́ня* (имя собственное)³⁶. Во-вторых, Вайнрайх называет различные мотивы лексического заимствования³⁷, которыми можно объяснить также и заимствование варваризмов и сленгизмов: «необходимость в обозначении новых предметов, лиц, местностей и понятий» (этот внешний фактор,

³² Б. Гавранек, *К проблематике смешения языков* // В.Ю. Розенцвейг (ред.), *Новое в лингвистике*, выпуск 6, Прогресс, Москва 1972, с. 95–96.

³³ А. Reķēna, *Raksti valodniecībā*, I daļa, Liepājas Universitāte, Liepāja 2008, с. 151–312.

³⁴ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 83–103.

³⁵ Там же, с. 94.

³⁶ O. Bušs, V. Ernstsone, *Latviešu valodas slenga vārdnīca...*, с. 130.

³⁷ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 95–101.

как известно, носит наиболее общий характер, т.е. применим к заимствованиям любого вида); недостаточная дифференцированность семантических полей родного языка; потребность в синонимах и «какофемизмах», вызываемая тенденцией языка к постепенной утрате экспрессивными словами их выразительности; использование ресурсов контактного языка для пополнения жаргонной речи, часто являющееся отражением негативной «социальной значимости» другого языка. Говоря о нарушении дистрибуции определенных слов, особенно в речи двуязычных, Вайнрайх указывает на такой мотив интерференции, как «простой недосмотр»: «В аффективной речи, когда внимание говорящего почти полностью отвлекается от формы и содержания данного сообщения, особенно широко практикуется перенесение иноязычных слов»³⁸. При этом, по мнению Вайнрайха, как внешние, так и внутриязыковые факторы заимствования в гораздо большей степени проявляются в речи двуязычного индивида.

С точки зрения мотивации можно выделить две основные группы сленгизмов русского происхождения, при этом заимствование многих слов можно объяснить не одним, а сразу несколькими факторами из упомянутых выше.

В разговорной латышской речи зафиксировано большое количество заимствований из русского языка, которые обозначают предметы и явления, само возникновение и распространение которых связано со страной языка-источника. Для периода XIX–XX веков речь идет об этнографических, социальных, культурных, политических и экономических реалиях России и Советского Союза. На начальном этапе перенесение подобных лексических элементов обусловлено внешним фактором, связанным с номинацией новой реалии, нового понятия: ср., например, приведенные выше латыш. *stroika* ‘новостройка’, латыш. *dvornīks* ‘дворник’, ср. также латыш. *stroibats* ‘строительный батальон’ (в армии СССР) ← русск. *стро́йбат*³⁹. Перенесение может быть также обусловлено недостаточной дифференцированностью соответствующей лексико-семантической группы в латышском языке: ср., например, латыш. *kurtka* ← русск. *ку́ртка*⁴⁰ (латыш. лит. *vējjaka* ‘куртка’, образовано при помощи слов *vējš* ‘ветер’ и родового слова *jaka* ‘кофта, куртка’);

³⁸ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 100.

³⁹ O. Bušs, V. Ernstsone, *Latviešu valodas slenga vārdnīca...*, с. 451.

⁴⁰ Там же, с. 257.

латыш. *fufaika* ‘стеганая куртка на вате, толстый жакет’ ← русск. *фуфа́йка*⁴¹, латыш. *kabaks* ‘кабак, пивная’ ← русск. *каба́к*⁴² (латыш. лит. *krogs*). В условиях внутренних языковых контактов, ситуации двуязычия эти элементы выступают как лексические знаки понятийных «лакун». Однако именно ситуация двуязычия обуславливает и то, что дальнейшее употребление «чужих» слов диктуется и другими мотивами, приведенными в книге Вайнрайха: слово становится пейоративным синонимом, который характеризует жаргонную речь. Об этом свидетельствуют контексты употребления этих слов в словаре сленга, датируемые временем последних десятилетий, например: «*Elvis aizgāja uz stroiku*» ‘Элвис ушел на стройку’ (1996 г.)⁴³.

Другую многочисленную группу сленгизмов русского происхождения составляют слова, приобретшие статус сленгизмов благодаря экспрессивной коннотации, фактору метафоризации, причем, как показывает большинство примеров, экспрессивная окраска и переносное употребление характеризуют эти лексические элементы уже в языке-источнике. Как было отмечено выше, в условиях длительного коллективного двуязычия пополнение жаргонной речи осуществляется за счет экспрессивных лексических средств контактного языка. К тем примерам слов, которые были приведены выше (см. латыш. разг. *apžora*, *kriška*, *koroče* (*karoče*), *prikols*, *razborka*) можно добавить следующие, отмеченные в цитируемом словаре сленга: латыш. разг. *zabegalovka* ‘бар’ ← русск. разг. *забегáловка*⁴⁴; латыш. разг. *streļīt* ‘просить что-либо (обычно сигарету)’, *nostreļīt* ‘попросить; добыть’ ← русск. разг. *стрелять* (например, *сигарету*), *стрельну́ть*⁴⁵; латыш. разг. *naglijs* ‘бесстыжий, наглый’ ← русск. *на́глый*⁴⁶; латыш. разг. *prikiņ* ‘представь (себе)!’ ← русск. разг. *прикинь!*⁴⁷; латыш. разг. *vot!* (междометие) ← русск. *вот*⁴⁸; латыш. разг. *močīt* ‘бить; убивать; мучить кого-либо, издеваться над кем-либо; ломать, портить что-либо; делать что-либо’, *močīties* ‘биться; возиться, хлопотать’ ← русск. разг. (жаргонизм) *мочи́ть* ‘бить,

⁴¹ Там же, с. 162.

⁴² Там же, с. 215.

⁴³ Там же, с. 451.

⁴⁴ Там же, с. 547.

⁴⁵ Там же, с. 450.

⁴⁶ Там же, с. 310.

⁴⁷ Там же, с. 385.

⁴⁸ Там же, с. 547.

убивать'⁴⁹, *mocītь друг друга* 'драться, биться; убивать друг друга'. Приведенные в словаре контексты употребления красноречиво говорят о сленговом характере функционирования этих слов в латышском языке: ср. «*Tas gan ir nagļijs, pilnīgi*» 'Тот совсем наглый, полностью' (2003 г.),⁵⁰ «*Priķī, es šodien negulēju visu nakti*» '*Прикинь, я сегодня не спал всю ночь*' (2003 г.)⁵¹.

Так как длительное время двуязычие характеризовало прежде всего носителей латышского языка, указанные Вайнрайхом мотивы лексической интерференции, связанные с потребностью разговорной речи в обновленных «какофемизмах», реализовывались прежде всего в активном влиянии русского разговорного языка на латышский сленг. Вопросом будущих исследований является анализ возможного обратного влияния латышского разговорного языка на русский язык Латвии в условиях меняющейся языковой ситуации. Если говорить о влиянии русского языка на латышский сленг, то следует отметить, что в экспрессивно-аффективной функции указанные лексические элементы не обязательно встречаются только в речи двуязычных индивидов. Судя по контекстам словаря сленга, отражающим язык последних десятилетий, когда поменялась языковая ситуация в Латвии, можно констатировать, что приводимые слова стали просто приметой латышской жаргонной речи. Ср. зафиксированные автором статьи примеры употребления сленгизмов в ходе непринужденной коммуникации носителей латышского языка между собой в интернет-среде (речь идет о комментировании статьи на актуальную тему): «*Kāda ir iesaistīto pušu motivācija mocīties? Tas neskaitās, jo uzbrucēji tā vai šitā ir musļiki, bet pēc korāna bija vajadzīgi krietieši, koroče, nekāda tur apokalipse tagad nesanāks*» 'Какой смысл втянутым (в конфликт) сторонам *мочить друг друга*? Это не в счет, потому что те, кто нападают, — это все равно «муслики» (мусульмане), а по корану нужно, чтобы были христиане, *короче*, никакого апокалипсиса сейчас не будет' (2016 г.). Некоторые наиболее частотные слова приобрели характер междометных слов (латыш. разг. *vot*).

Представленное описание специфики контактирования русского языка и латышского языка позволяет сделать два выво-

⁴⁹ Там же, с. 300–301.

⁵⁰ Там же, с. 310.

⁵¹ Там же, с. 385.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ...

да, которые могут быть полезны для исследования вопросов теории и истории языковых контактов. Многочисленные варваризмы и сленгизмы русского происхождения в латышском языке, принадлежащие как к старому, так и к новому слою, свидетельствуют о том, что для социума Латвии на протяжении длительного времени объективно была характерна билингвальная языковая ситуация, характеризующаяся как коллективное латышско-русское двуязычие. Речь должна идти о длительных внутренних языковых контактах. При этом необходимо понимать, что языковая ситуация и обусловленная историческими причинами языковая политика Латвии представляют собой разные явления.

Изучение исторической и современной специфики контактов русского и латышского языков способствует прояснению важных теоретических вопросов. К их числу относятся дальнейшее исследование различных форм коллективного билингвизма в условиях внутренних языковых контактов, специфика различных социально-этнических и социально-культурных языковых контактов, а также дальнейшее развитие теории лексической интерференции и заимствования и изучение специфики этих явлений по отношению к внутренним языковым контактам.

СОКРАЩЕНИЯ

арх. — архаизм (слово или значение)
др. — другие
латыш. — латышский язык
лит. — литературный (стандартный) язык
литов. — литовский
псл. — праславянский язык
русск. — русский язык
см. — смотри
ср. — сравни

Igor Koskins

O PROBLEMIE SPECYFIKI WEWNĘTRZNYCH KONTAKTÓW JĘZYKOWYCH:
JĘZYK ROSYJSKI JAKO ŹRÓDŁO LEKSYKI SLANGOWEJ W JĘZYKU ŁOTEWSKIM

Streszczenie

W artykule omawiana jest specyfika łotewsko-rosyjskiego kontaktu językowego, którego jednym z rezultatów jest leksyka slangowa oraz barbaryzmy. Autor omawia także motywację tego typu rosyjskich zapożyczeń w języku łotewskim. Uriel Weinreich przedstawił klasyfikację motywacji zapożyczeń leksykalnych w monografii *Languages in contact*. Niektóre z postulatów wynikających z jego badań mogą zostać wykorzystane w analizie rosyjsko-łotewskiego kontaktu językowego oraz związanej z nim dystrybucji leksyki slangowej. Znaczna liczba rusycyzmów pojawiła się w potocznym języku łotewskim jako rezultat komunikacji ustnej. Slawizmy w języku potocznym i w slangu pojawiły się w wyniku wewnętrznego kontaktu językowego związanego z bilingwizmem. Język rosyjski rozwijał się w warunkach zbiorowej dwujęzyczności. Można wyróżnić kilka grup rusycyzmów-barbaryzmów ze względu na ich motywację. Grupy te zostały przedstawione w artykule. Różne stopnie adaptacji leksyki slangowej w języku łotewskim pokazują, że różne postaci interferencji leksykalnej są częścią jednego dynamicznego procesu.

Igor Koskins

PROBLEMS OF SPECIFICS OF THE INTERNAL LANGUAGE CONTACTS:
THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SOURCE OF LATVIAN SLANG WORDS.

Summary

The article deals with the specifics of the Latvian-Russian language contact and one of its results — slang words and barbarisms. The author considers also motivations of this kind of borrowings from Russian in the Latvian language. Uriel Weinreich presented the classification of “motivations of lexical borrowings” in his book *Languages in contact*. Some postulates of Weinreich’s research can be applied to the study of Russian-Latvian language contacts **connected with distribution of slang words. A large number of the Russianisms entered in colloquial Latvian as a result of oral communication.** Slavisms in the colloquial speech (slang) have been borrowed because of internal language contacts and bilingualism. Russian language was evolving in a sociolinguistic situation of collective bilingualism that assumes the existence of internal language contacts. It is possible to classify Russianisms-barbarisms from the point of view of their motivation in several groups, which are described in the article. Various degrees of adaptation of slang words in Latvian show that various types of lexical interference are parts of one dynamic process.